

Писать о творчестве новокузнецкого поэта Геннадия Шемелина непросто: так много в его стихах непривычных словосочетаний, кажущихся несообразностей и даже казусов.

Он высказывает обуревающие его чувства, как правило, резко и неожиданно:

«Мир людской – это игрище смерти,
И один вот ушел навсегда,
Как письмо в деревянном конверте,
Адресованное в никуда».

Это из его первой книги «Брод».

А вот описание преддверья из второй – «Фанерная дверь».

«И все прелести стали прелостью.
И, уставившись в пустоту,
Время двигает резвой челюстью,
Перемалывая красоту».

Геннадий Шемелин – слесарь алюминиевого завода, и сама профессия его не располагает к вздохам и умилению.

«Электролизеры сокровища
Всё копят
и копят
в горячих телах –
Как будто стальные чудовища
Гуляют в магнитных полях».

Если в первом сборнике добродушные краски ещё просвечивают, то во втором исчезают. Да и не мудрено. «Брод» вышел в 1993 году, а «Фанерная дверь» – десятилетие спустя. Жизненный горизонт, увы, не порозовел за пролетевшее время, а стал ещё более покрыт тучами. И потому стихи поэта, как осенняя непогода: чуть-чуть солнце проглянет, как следом небо заморосит и облачится сплошь в тёмные краски, от которых меркнет радость, душу сдавливает тоска, переходящая в гневное неприятие.

Тональности его стихов претит всякая помезность, красивые лозунги и восторги.

Вот как откликнулся поэт на празднование 380-летия Новокузнецка, описывая посёлок «Форштадт»:

«Округа в запустении жалком,
На всём унылая печать –
Всё наше бытие по свалкам
Потомки будут изучать...»

И всё-таки тёплые нотки присутствуют в его стихах, даже составляют иногда их основу, что особенно заметно в «Броде». Но и в них ощущается внутренняя напряжённость, некое подобие сжатой пружины, готовой в любую минуту резко распрямиться и разрушить зыбкую успокоенность строк.

В творчестве Геннадия Шемелина явственно виден постоянный поиск новизны взгляда на окружающий мир. Уже в «Броде» он не прочь запустить в читателя гротеском: «а фонари горят по городу, как будто шапка на воре».

Гротеск – его любимый стиль, куда вперемежку укладываются и гиперболы, и ирония, и даже сарказм. Такие поэтические фигуры рассыпаны по всем страницам сборников.

Вот яркое по ёмкости и контрастности сравнение:

«И только почуявший палку на рёбрах,
И только бездомный у чьих-то дверей
Поймёт тех изгоев, красивых и добрых,
Спроваженных в жуткую ночь лагерей».

А вот как образно поэт пишет зиму: «Бредут дома в снегу по пояс, надвинув крыши на носы».

Иронически, с долей сарказма – о цивилизации:

«Цивилизация! Наш кокон.
В нём было б мирно и тепло,
когда бы меж его волокон
могильным тленом не несло».

Ироничен он и по отношению к самому себе:

«Пышнотелые мысли мои!
Вы страдаете в жизненном хламе,
Трепетание свежей струи
Ощущая нагими телами.
Вы ведь ведьмы, и ведомо вам
Шелестящее имя полёта.
Так отдайте же силу словам,
Чтоб лететь до того поворота!»

Мне кажется, поэт умышленно не указывает – до какого поворота, открывая возможность читателю самому определять – до какого.

И с этим, пожалуй, нельзя не согласиться. Потому как повороты судьбы у каждого свои.

(Из книги: «Г. Кузнецов. ЖИЗНЬ СЛОВА.
Литературно-критические статьи».
Новокузнецк, 2017 г.)